

Момент конфликта революции с «некоторыми элементами и силами, выросшими на ее почве, но ей глубоко чуждыми», еще далеко не настал и пока что он даже не обрисовывается впереди. Напротив, в данный момент наблюдается скорее своеобразное взаимное сближение этих двух факторов современной жизни России. Нет смысла искусственно вызывать или форсировать их конфликт, — гораздо более целесообразно добиваться возможно большего органического или даже механического приспособления революции к национальным интересам страны, хотя бы формально и внешне победа осталась за интернационалистической революцией, хотя бы лозунги ее были по-прежнему внешне противоположны началам национализма и государственности. И та сторона национал-большевизма, которую Струве неправильно называет «идеологией национального отчаяния», как раз и учитывает известную полезность революционной фирмы в «защитных» государственных целях. Не совсем для меня понятная ссылка на «чудовищное лицемерие и маккиавеллизм» такой точки зрения не может служить ее убедительным опровержением. Тем более, что ведь сама-то революция «субъективно» действует здесь без всякого лицемерия и маккиавеллизма. Следовательно, известные и чисто конкретные результаты (хотя бы они были и очень далеки от заправской «мировой революции») могут быть достигнуты. Для патриота же все действенные пути сохранения и восстановления родины, мыслимые при данных условиях, должны быть сполна использованы.

Тактика национал-большевизма столь же осмысленна, сколь ясна и внутренне цельна его идеология.

Две реакции

<Фрагменты>

Когда всматриваешься в нынешний облик русской эмиграции, замечаешь чрезвычайно знаменательный процесс, в ней совершающийся: ее «центр» расползается, уходя в «крылья». Этот процесс многими еще не осознан во всей его остроте, но, по-видимому, скоро он выявится еще резче. Тогда о нем заговорят все.

Наша контрреволюция, а затем и эмиграция, с октября 17 года до последнего времени выступали в массе своей под флагом либерально-демократической идеологии. Даже военные диктато-

ры беспрекословно и вполне сознательно ей подчинялись: генерал Деникин руководствовался программой Национального Центра¹, «сочетавшей идею твердой власти с традиционными лозунгами просвещенного русского либерализма» (определение К. Н. Соколова²), а адмирал Колчак с первого же дня отмежевался от «пути реакции» и, подчеркнув в ответственном заявлении, что «диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским», усвоил позицию «диктатуры ради демократии» (кадетская формула в Омске). И Екатеринодар, и особенно Омск были лояльны идее Учредительного Собрания как грядущего хозяина страны. Вдохновителями движения были кадетские, а отчасти и право-социалистические элементы. О «реакции» в собственном и точном смысле этого слова у нас речи еще не было, и можно определенно сказать, что контрреволюция наша не являлась действительно реакционной ни по преобладающему составу своему, ни по руководящим своим целям. Бурцев со всей «оскорбительной ясностью» своего мирозерцания в этом отношении достаточно показателен, как кричащий плакат: «ни большевизма, ни царизма»!

Мечтали о российской демократии, которую поставит на царство гражданская война — и только она. Догмат «беспощадной борьбы» с советами был вторым догматом контрреволюции, столь же непрекаемым, как и первый.

Так было. Но теперь, после всех неудач и невзгод белого движения, его «большая дорога» явно суживается и превращается в тропинку. Происходит разложение в среде эмигрантского большинства. Разваливаются старые политические «штабы», рассыпается и разочарованная масса. Чувствуется неизбежность какой-то перегруппировки. На обломках старых надежд загораются новые настроения.

Пересмотр касается обоих основных догматов правоверной контрреволюции: тактики «беспощадной борьбы», с одной стороны, и либерально-демократической идеологии — с другой. Вместе с тем знаменательно разрывается взаимная связь между этими двумя догматами.

Фактическое прекращение гражданской войны не могло не затронуть и ее идеи. Теперь уже огромное большинство противников большевизма не возлагает никаких упований на старый метод борьбы с ним. Ни солдаты, ни офицеры не хотят драться, предпочитая фронтам даже полуголодное беженское существование. Дух живой отлетел от парижских Катонов³, вопиющих в пустыне окружающего их равнодушия обтрепанный призыв на тему «раздавите гадину»...⁴

В этом отношении «новая тактика» П. Н. Милюкова не менее симптоматична, нежели национал-большевистская концепция. Милюков и его друзья с каждым месяцем все дальше и радикальнее отходят от позиции противобольшевистского «центра». «Друзья-враги» справа недаром постоянно упрекают «Последние Новости» в том, что они доходят до признания необходимости поддержки советского государственного аппарата. С логической неизбежностью П. Н. Милюков порывает со всеми элементами прежнего строя мысли. В борьбу с большевизмом он ныне вводит такие ограничения и оговорки («принятие революции», отказ от всякой связи с военной силой белых генералов, отрицание диктатуры, в известных случаях признание допустимости сотрудничества с большевиками), что фактически сводит ее на нет, убивает весь ее реальный пафос. Оттого он и пользуется ныне такую ненавистью со стороны последних могикан старой тактики.

Усиление «левых» течений в эмигрантской среде становится уже общепризнанным фактом. Значительные группы, раньше органически входившие в главный фронт контрреволюции, теперь решительно откололись от него. Они уже перестают противопоставлять себя России, они духовно возвращаются на родину, трезво ожидая момента, когда станет целесообразным и физическое возвращение. Они уже потеряны для эмиграции и для активной контрреволюции старого типа.

Но параллельно усилению этих настроений в зарубежных русских кругах наблюдается и другое характерное явление: **рождается подлинная и явная русская реакция**. Вырисовывается «русский Кобленц» — на этот раз в точном и полном значении этого термина.

До сих пор еще принято говорить о нем как о величине незначительной и не заслуживающей внимания. «Общее Дело»⁵ по-прежнему уверено, что справа у него нет серьезных конкурентов. Однако это уже далеко не так. Само же оно их бестолково питает, допуская на своих страницах обывательские вздохи Аверченко⁶ по «царским золотопогонникам» и угрюмую тоску Яблоновского по Павле Первом⁷. Уже по этим двум типичным представителям эмигрантского райка можно судить, что симпатии «непримиримых» неудержимо катятся вправо. Недаром и врангелевцы на Балканах — единственная «реальная сила» эмиграции — прочно впадают в орбиту чисто монархических планов. Скоро, скоро придет час, и уже приходит, когда Бурцевы и Струве окажутся причислены к лику Лениных, Троцких и Милюковых. Все кошки революции будут одинаково

красны для тех, кто органически и безоглядно станет **по ту сторону** революции.

А такие уже есть. «При произведенном революцией опустошении экономических, культурных и политических сил России, при возврате России к ее чисто земледельческому крестьянскому состоянию она не может быть — без внешнего насилия — не только республиканской, но и парламентской, **даже не может быть конституционной**». Так пишет в белградском «Новом Времени»⁸ проф. Локоть⁹, нынешний идеолог Рейхенгалля¹⁰. Вот новые песни... из репертуара родной старины!..

Черный штаб¹¹ уже формируется. Он обильно снабжен финансовыми средствами, нельзя сказать, чтобы у него не было некоторой организационной сноровки. И если есть в современной «непримиримой» эмиграции нечто, что может рассчитывать на известный успех, то это только он. Эпоха либерально-демократической контрреволюции кончилась. Борьба с революцией начинает вестись в пользу реакции и реставрации.

Рейхенгалльский съезд — первая ласточка. «Новое Время» — первый симптом. Монархизм приступает к открытой и планомерной кампании. Есть много оснований предвидеть, что с каждым месяцем мы будем слышать о нем все больше и больше...

Не смейтесь, что число его явных приверженцев пока ничтожно. Не издевайтесь, что, за отсутствием лучших кандидатур, в редакторы монархических органов намечаются гвардейские офицеры и опереточные певицы (в Вене). — Не так же ли мы смеялись в свое время над первыми дебютами большевиков?

Большевикам помогали тогда «популярные в массах» Черновы¹², Керенские и Церетели¹³, зажмурив глаза воспевавшие волю народа. Большевиков выдвигали временные настроения малокультурной страны.

Аналогичные факторы могут ныне сыграть на руку монархистам. Разве не разочарован народ революцией? И разве на фоне этого разочарования не помогут теперь рейхенгалльцам дешевые, но ходкие идейки Аверченко и Яблоновских о преимуществах старого режима перед революционным? Есть лозунги, с которым нужно обращаться осторожно. Вызывая тень Павла Петровича, эти экспансивные интеллигенты тоже тревожат духа, с которым им-то уже, во всяком случае, не справиться!

Сегодня пока они еще только кричат, что «решительно предпочитают Павла». А завтра услышим и модернизированный акафист, благо он уже сочинен одним из лучших наших поэтов: —

Погрызших в распутстве, в безумстве великом
На путь ты наставил,
Но был краток твой час.
Владыка, жестокий к жестоким владыкам,
Замученный Павел,
Моли Бога о нас!

И уже мерещатся торжественной печалью полные лица, склоненные над гробницей в мерцании лампад Петропавловского собора:

Мы снова познали палящее время
И снова пороки
Ополчились на нас.
Подъявший Господнего молота бремя,
Владыка жестокий,
Моли Бога о нас!

Самые грехи погибших царей, искупленные мученичеством, представляются источником святости:

Престол омраченный и темное имя
Ты детям оставил,
И себя ты не спас.
А ныне, ликуя со всеми святыми,
Замученный Павел,
Моли Бога о нас!..

А что дадут жизни подобные настроения? О, второе пришествие Павла уже во всяком случае было бы горше первого (не спасет даже и «мировая демократия»: в лучшем случае, опоздает)!..

Нужно помнить, что мы имеем дело с Россией. Нигде размахи политического маятника не могут быть так безмерны. Нигде нет такой любви, такого органического тяготения к крайностям...

Если плотина революционной власти будет прорвана, поток помчится далеко. Кто его задержит, введет в русло?

Умеренные социалисты не смогли остановить революции. — Остановят ли реакцию кадеты и либералы?

Черное движение опасно. Его успех был бы национальным несчастьем. Не потому, что оно — **реакция**, а потому что оно — **дурная реакция**. Не потому, что оно несет собою **монархию**, а потому, что ста-

рая монархия, которую оно несет собою — **насквозь гнила**. Оно грозит на время воскресить элементы, безвозвратно осужденные историей. Оно лишь до бесконечности затянет кризис.

П. Б. Струве прав, что идеология царистского реставраторства по своему политическому содержанию совершенно неинтересна, будучи прекрасным дополнением к столь же неинтересному реставраторству интеллигентскому (у Милюкова).

<...>

Но в то же время внутри России отчетливо намечается другой путь завершения затянувшейся революции: путь ее органического «самоопределения». В непрерывном развитии она постепенно преобразует себя, отсылая «в историю» свои «предельные» лозунги и против своей воли намечая программу **реакции здоровой и плодотворной**. Элементарными и, так сказать, предварительными принципами этой реакции (своеобразно претворяющей в себе некоторые мотивы белого движения 19 года), являются следующие черты положения: **1) ликвидация коммунизма и действительная консолидация земельных завоеваний крестьянства, 2) внешняя политика, направленная на достижение реальной экономической связи с иностранными державами и на создание конкретных условий, благоприятствующих привлечению в страну иностранных капиталов, 3) сильная диктаториальная власть, опирающаяся на армию и на активные элементы страны, в большинстве своем выдвинутые революцией, и 4) абсолютное отрицание легитимно-монархической реставрации и ее неизбежного социального «сопровождения» — старого помещичьего класса.**

Конечно, это только самые основные и предварительные принципы. Но в настоящий момент приходится говорить преимущественно о них. Дальнейшее придет потом. На основе упомянутых четырех пунктов «здоровая реакция» может ныне заключить своего рода тактический «союз дружбы» с революцией. Лозунг той и другой автоматически совпадают. Этот своеобразный союз способен был бы помочь стране пережить, не распадаясь в анархическую пыль и не впадая в дурную реакцию отчаяния, самый тяжелый период разрухи — плод трех лет революционного утопизма.

Но не утопия ли сам этот союз? Возможно ли перерождение революции? — Старый вопрос. Мы достаточно часто анализировали его. Ответ на него даст близкое уже будущее. Если он окажется отрицательным — победит Рейхенгалль.

Но, во всяком случае, несомненно одно: Россия внутренне изжила как ортодоксально коммунистический период своей революции,

так и либерально-демократический период своей «непримиримой» контрреволюции. История ее ближайших лет пойдет либо по пути национал-большевизма, либо по пути монархического реставраторства и... новой революции.

Проблема возвращения*

I

«Вы проповедуете гражданский мир и сотрудничество с советской властью. Отчего же вы сами не возвращаетесь в Москву и не поступаете на советскую службу?»

Как часто приходилось всем «примиренцам» слышать подобные вопросы! Когда мне их задавали в личных беседах, обыкновенно я отделялся шуткой, отвечал собеседнику в тон: — «А вот вы, я вижу, проповедуете борьбу до конца и свержение вооруженной силой. Отчего же вы сами не берете винтовку и не идете свергать?..» Разница между нами заключалась в том, что я понимал абсурдность своего вопроса, в то время как мои вопрошатели отнюдь не сознавали бессмысленности своего.

Когда же доводилось читать такого сорта вопросы в газетах, то письменно отвечать на них казалось излишним: во-первых, сами газеты и авторы, которые печатали такие вещи, заслуживали не столько внимания, сколько сострадания, а во-вторых, представлялось неловким занимать время читателей столь несерьезными мелочами...

Но каково же было мое удивление, когда как раз подобный же вопрос я прочел в статье автора, к коему я питаю самое искреннее уважение. В статье г. Пасманика из «Общего Дела» («Примиренчество проф. Устрялова») имеется следующий абзац:

«Да будет мне позволено прежде всего затронуть очень деликатный личный момент: почему же проф. Устрялов сам не вернется в Москву и не начнет свое сотрудничество с большевиками? В этаких положениях личный пример — этический долг. Оставаясь физическим эмигрантом, нельзя духовно слиться с советской Россией»¹.

* Эта статья, ныне совершенно утратившая характер актуальности, в дни ее появления трактовала наиболее «боевую» тогда проблему и повлекла за собой много шума в эмигрантской прессе.